

ВОСКРЕСНЫЕ ЧТЕНИЯ

Дома и в гостях

Приближаются к концу гастроль Ленинградского театра юных зрителей. Уже очевиден их успех, и уже ясно, что

СТРОГАЯ ДОБРОТА

этого коллектива заставит нас долго думать о нем

От того своеобразнейшего художественного, педагогического, общественного явления, которое представляет собой сегодня Ленинградский ТЮЗ — старейшина и многолетний лидер всего отряда театров особого назначения страны, — цепочка размышлений неизбежно протянется к путям и проблемам детского и юношеского театра вообще. Пока же — только самые первые впечатления от гастрольных спектаклей ЛенТЮЗа, от нескольких ленинградских вечеров на площади Маяковского.

Первый вечер был вечером знакомства. Ленинградцы показали отрывки из спектаклей, не вошедших в гастрольную афишу, самостоятельные работы и творческие пьютки. Об истории и сегодняшнем дне театра, о его поисках и проблемах рассказала главный режиссер З. Корогодская. Наши гости покорила зрителей в этот вечер изощренным, увлеченностью, мастерством. Впрочем, есть и слово «мастерство» — что-то завершур «маститого», завершающее, не свойственное (думается, принципиально) актерской школе ЛенТЮЗа. Скорее «готовность к театру» — артистизм и мысленная профессиональная техника, эмоциональная подвижность и зараженность, собранность и гибкость ансамбля, в котором каждый участник работает на общее не столько потому, что подчинен сильной режиссерской воле, сколько потому, что воодушевлен общим чувством и общей задачей. Все это дает артистам Ленинградского ТЮЗа свободу дыхания в рамках точного рисунка, а зрителям дарит дорогое ощущение сплотившегося рождения спектакля, сопричастности тому, что происходит на сцене.

Следующим был вечер сказки. Ленинградцы показали спектакль «Бемби» по повести Ф. Зальтена, пересказанной для театра Л. Данилюком. Мы еще только осмыслили места в зале, как на сцене уже жил сибирь торпаловой, потянутой и как будто совсем отдаленной от нас живыми. Показалось, что мы попадаем еле случайно. Позже наступала минута удивления — как это получалось, что сразу, не приходя, не вживаясь сознательно, мы угадали оленей, зайца, белку в актерах, одетых в простые свитера, лес — в вязаных полнотканых, вышитых над сценой. Несуетливо, точно и тонко сумели И. Соколов (маленький Бемби) и Н. Иванов (взрослый Бемби), Н. Майданюк (Мат), Н. Буров

(Вожак) быть и оленями, с их тревогой, чуткостью, гордостью и людьми, с их человеческими бедками и радостями. Бемби-ребенок был изумлен красотой мира, Бемби-подросток был потрясен его сложностью, Бемби-юноша трудно взрослел у нас на глазах, жужжал, в сомнениях, в страданиях, в размышлениях, обретая себя, выбирая свой путь. Театр вел Бемби по миру-лесу бережно и строго, ничем «аскачно» не облекая его сложность, ничего из своего зрелого опыта не скрывая от юных, для которых он и рассказывал эту лесную сказку о человеческой жизни, о вечном в ней, о том, что необходимо знать в жизнь вступающим.

«На кудачих подушках, генераловых пушках, драгоценных итрукших — всюду наше клеймо», — пел в один из вечеров, ожившие на сцене герои знаменитого романа Маризиты Шагиня, герои из рабочего союза «Месс-Менд». В этот вечер мы увидели бурно-пародийное, ярко театральное зрелище, в котором своеобразно преобладали романтический реализм, свойственный мироощущению и, если можно так выразиться, человеческому стилю Ленинградского ТЮЗа. Сцена на этот раз напоминала огромный старомодный киноэкран. В театральном «супербожнике» были обещаны в программе спектакли «таинственные убийства» и захватывающие погоня, «массовый гипноз», «ялобленность с первого взгляда», откровенно простодушные репризы и виртуозные акробатические номера, героиня роковая (А. Шурнова) и героиня лирическая (Н. Боровкова), герои благородные (Н. Иванов, И. Шагиня), А. Хочинский) и герои злоежики (И. Соколов и В. Галыгер). Одним словом, все, что полагается по жанру, все, что было в старом романе и в знаменитом старом фильме, и еще многое сверх этого, изобретенное автором пьесы В. Меньшолова. А большие фотографии в глубине сцены, фотографии, как будто сошедшие с сегодняшней газетной полосы, напоминали нам, что не просто в «старое кино» играет театр, а говорит о том, что и сегодня, как полвека назад, существует опасность фализма, что взрыв в одном уголке нашей тесной планеты не может не отозваться на другом краю света, и потому нет ничего не важного, ничего, что не касалось бы всех и особенно юных, на плечи которых лежит завтра тяжесть земного

шара. И в самом конце, как это часто бывает в постановках З. Корогодской — создателя этого и всех показанных на гастрольных спектаклей ЛенТЮЗа, — свершился замечательный «переворот»: актеры встали тесно плечом к плечу и впрямую, «от себя», обращаясь к залу, запели песню рабочего союза «Месс-Менд». Молодые артисты, такие же труженики и такие же мастера в своем деле, как те, кого они играли сего дня, утверждали в старой песне сегодняшнюю веру в то, что никаким бурям, сотрясающим земной шар, не расколоть его, потому что существует рабочее братство и весь мир в конце концов будет таким, каким по образу и подобию самой высокой мечты мастера его молодые рабочие руки.

В праздничный вечер 9 мая Ленинградский ТЮЗ показал спектакль «Думаю о нем...» — документальный драматический очерк об Аватонии Мерзлове, юноше-комсомолец, который был застрелен, может быть, самым мирным делом на Земле, а погиб, как солдат, спасая от огня свой трактор и хлебное поле, памятник нам всем жарким летом 1972 года. Этот спектакль — диспут, уникальный по форме — самый ход его зависит от зрителей, живой во всех своих неровностях, не повторяющийся от раза к разу, трудно оценивать обычными критериями. Мера его успешности — горячность разговора, возникающего в зрительном зале, напряженность поиска истины, который театр ведет вместе со зрителями, глубина не заканчивающихся с окончанием спектакля размышлений о подяте и его нравственных истоках, о долге и памяти, размышлений, в которых рождается и крепнет гражданское чувство.

На следующий вечер театр был жестким, даже жестоким. Спектакль «Остановите Малахова» по пьесе В. Аграновского — «только для взрослых». Театр вел драматическое исследование судьбы малолетнего преступника, самой бескомпромиссной суровостью и пристальностью этого исследования защищая возможных малых от того уродливого, что еще есть в нашей жизни и что бывает порой так трудно разглядеть в ее повседневном течении. С настоящей болью, с «комом в гортле» играют в этом спектакле в его лучшие минуты А. Шевелев (Малахов), С. Шелгунов (Антон), Н. Майданюк (директор школы), С.

Смирнова (Лотова), Н. Иванов (Аватор), И. Овадис (Шуров).

А потом был вечер радости. Той самой подлинной радости, которая театру, особенно детскому, необходима для того, чтобы зажечь души и разбудить умы, чтобы увлечь театром тех, кто впервые прикасается к его чуду. В этот вечер ТЮЗ очаровательно наивно и лукаво играл в цирк и звал нас включиться в эту игру. Со спектакля «Наш цирк» начинают свое знакомство с театром, свое «обучение театру» самые маленькие зрители. Один из многоценнейших парадоксов детского театра состоит в том, что оценки спектаклей для детей зачастую дают взрослые. Но, если уж нам, взрослым, захотелось играть вместе с театром, свободно «топать, хлопать, хохотать», как приглашают труппы в своей песенке, то как же должен отозваться этот спектакль в детях, с их естественным талантом доверия, радости, игры! Поистине, «живет восьмое чудо для верящих в него», — как поется в песне из спектакля «Открытый урок», одного из самых принципиальных, программных для Ленинградского ТЮЗа. В тот вечер, когда шел этот спектакль, театр снова наполнил «только взрослых». Именно к ним и обращен «Открытый урок», и в зеркале его многие из них увидели себя — свои взаимоотношения с детством, порой просто смешные, порой по-настоящему нежные и конфликтные. «Открытый урок» был дан ТЮЗом интеллигентно и канализованно, без назидательности, протест назидательности. В зеркале «Открытого урока», умного, изысканного и тонкого, в самой форме и интонации сохраняющего память о своем студийном рождении, как-то, отразился весь Ленинградский ТЮЗ — его особая атмосфера художнической и человеческой общности, самая суть его актерской школы, его чуткость к детству, тревога за детство, вера в детство, его вера в самого себя. Сберег в себе молодую неуспокоенность этого дельного, зрелого, состоявшийся театр.

Конечно же, мы еще долго будем вспоминать ленинградские вечера в Москве и ждать новых встреч с Ленинградским ТЮЗом, умеющим быть учителем, праздником, другом и для тех, кто вступает в жизнь, и для тех, кто, повзрослев, сумел сохранить в себе прекрасный ручеек детства.

Н. БАСИНА.